

**"Говорили, что придут наши – русские, а меж тем пришли какие-то чужие люди...
Обещали освободить, а между тем только от них узнали, что такое неволя"**

Для історика, який працює в архіві, цікаві знахідки – річ загалом буденна.

Адже науковець, рутинно гортаючи в архіві сторінки справ, робить чи не щоденні відкриття. Опрацьовує нові архівні фонди. Знаходить документи, які раніше жоден із колег не вивчав. Звертає увагу на деталі, що інші вчені оминули. Уточнює хронологію подій або навіть встановлює нові факти чи імена. Розшифровує чийсь поганий почерк. Нормальна така дослідницька праця.

Проте до подібної роботи неможливо призвичаїтися. Нове завжди хвилює і приваблює. Недарма для історика праця в архіві – виняткове задоволення. Особливі почуття виникають, коли історик знаходить столітній документ, який читається так, наче написаний був учора.

Останні півтора роки нас в Україні часто переслідує *déjà vu*. Науковці сперечаються, що саме ті або ті сучасні події – Майдан, окупація та анексія Криму Російською Федерацією, неоголошена російсько-українська війна на Сході України – нам нагадують та з чим можна провести історичні аналогії. Із Запорізькою Січчю? Визвольними змаганнями 1917–1921 років? Часами Другої світової?

А, може, з подіями, які мали місце під час Першої світової війни?

Ось і нещодавно віднайдений нами документ видається більш ніж актуальним, хоча йому вже сто років. Його варто прочитати – і щоб краще зрозуміти, що відбувалось на українських землях під час Першої світової війни, і щоб краще збагнути, що коїться в Україні зараз.

Це – лист, звичайний лист одного вченого іншому. Той, хто писав, мав 42 роки, жив у Львові та був поважним професором-мінералогом, керівником кафедри фармацевтичної хімії Львівського університету.

Його адресатом був його колегою за фахом, на дев'ять років старшим, академіком Імператорської Санкт-Петербурзької Академії наук, директором Геологічного та мінералогічного музею Петербурзької АН.

Вони спілкувались ще із 1903 р., обмінювались листами та ділились книжками, полемізували та обговорювали праці інших колег. Львівський професор високо шанував свого старшого колегу як "тонкого та глибокого вченого, чесного і благородного діяча, прекрасну і добру людину", був вдячний за підтримку його докторської дисертації.

Лист був написаний 16 січня 1915 р., через чотири з половиною місяці після початку окупації російською армією Львова. Лише через чотири з половиною місяці.

Російські війська у Львові. Площа Ринок. 3 вересня 1914 р.

Прочитайте. Уважно прочитайте.

Львівський професор Зигмунт Вейберг пише академіку Володимиру Вернадському. Пише про своє повсякденне життя в окупованому російськими військами місті, про колег, які пристосовувались або не пристосовувались до окупації.

Документ публікується вперше мовою оригіналу у сучасній орфографії. Скорочення розкриті у квадратних дужках. Імена, які згадані у листі, прокоментовані.

Для довідки: зараз готується академічна публікація листів Зигмунта Щепана Вейберга (1872–1945) до Володимира Івановича Вернадського (1863–1945) за більш ніж тридцятирічний період їх спілкування (загалом збереглося 13 листів Вейберга за 1903–1934 роки). Ці листи було виявлено під час опрацювання архівного фонду Володимира Вернадського в Архіві Російської академії наук.

Зигмунт Вейберг. Фото з Вікіпедії

Володимир Вернадський.

З. Щ. Вейберг – В. І. Вернадському

16 січня 1915 р., Львів

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Я получил Вашу карту от 28.XII.1914 и теперь пользуюсь случаем, что Эрна Феодоровна любезно согласилась взять это письмо, отвечаю Вам на все вопросы, но это дело очень трудное и тяжелое.

Вы пожелали иметь «полные и подробные сведения о культурных условиях университетской львовской жизни». Я не знаю, что Вас более интересует в этом вопросе: прошлое или современное, и поэтому попробую ответить на одно и на другое, тем более что современное непонятно без прошлого. Однако прошлое очень сложно, и поэтому я позволю себе только указать Вам имеющиеся в Академии источники: Finkeil i Starzynski П Т. Historia Uniwersytetu Lwowskiego i Ksiega jubileuslowa uniwersytetu Lwowskiego], а также «Kronika Uniwersytetu Lwowskiego», отосланное в Академию года 3–4 тому назад, когда наш университет праздновал 250-летнюю годовщину своего основания королем Яном Казимиром. Теперь я не посылаю Вам этих изданий, потому что мне совестно обременять этим Эрну Феодоровну. посылаю только личный состав университета – последний – и последний список лекций и практи[ческих] зан[ятий] последнего семестра. То, что намечалось читать в 1914–1915 ак[адемическом] г[оду], мы уже не успели напечатать.

Как видите из этих изданий, университет громадный: свыше 5 000 студентов и бюджет его 1 200 000 корон.

Осталось персонала во Львове немного. Все разъехались на каникулы, и потом многие не могли уже вернуться. Кое-кто в России. Я знаю наверно, что проф[ессор] Эрнст [1] – астроном – в плену в Керчи и Серпинский [2] – математик – в Вятке. Они уехали к родным в Литву и оттуда сосланы. Вуйцицкий [3] и Дмоховский [4] в Варшаве: они еще не успели получить австрийского гражданства. Это их спасло от ссылки.

Составить именного списка оставшихся на месте не берусь, потому что мало кого вижу, а собираться невозможно, не говоря, что опасно. Спрашивать ректора я не решился, потому что он так запуган, что наверно не дал бы мне положительного ответа, так как боялся бы, чтобы из этого не вышло беды.

Ректором на текущий год избран был философ К. Твардовский [5], но он застрял в горах и теперь сидит в Вене. До оккупации Львова исполнял должность ректора Стажиньски [6], ректор прошлого года, но перед самой оккупацией уехал. Остался Бэк [7] – физиолог – ректор позапрошлого года. Мы старались убедить его позволить выбрать на это время другого, потому что он еврей, и мы предполагали резонно, что это во многом будет университету мешать – и действительно оказалось, что он гораздо менее влиятелен, нежели ректор Политехники [8]. Но он слезами молил его оставить, чтобы ректорство спасло его от репрессалий. Действительно, многие грубости, учиненные ему градоначальством, были устранены потом, потому что он ректор.

Адольф Бек. Зображення із сайту інформаційно-аналітичного часопису Львівського національного університету ім. Івана Франка "Каменярь".

Итак, сидим мы со дня на день, ожидая катастрофы, так как объявлено нам было, что *все* закрывается. Потом старательно посетил все унив[ерситетские] институты шталмейстер Чихачев [9], член гос[ударственной] думы, после чего ректор от генерал-губернатора получил поручение хранить университетское имущество под личной ответственностью. Мы с тех пор немного успокоились. Однако большой запас дров (здесь угля нет) был наш отнят (теперь этими дровами топят в Политехнике – там госпиталь, чем пользуются и лаборатории) и у нас в лабораториях $+ - 2 \square C$. Я кое-как могу согреть только свою комнату. Так как Толлочки [10] и Опольского [11] нет, я стал заведующим обеими химическими лабораториями.

В последнее время разрешено генерал-губернатором производство экзаменов, с тем, чтобы были экзамены исключительно научно-университетского, а не государственного характера и с тем, чтобы это были только выпускные, а не переходные экзамены. Кроме того потребовали списки студентов и распределения экзаменов, что привело в большую тревогу ректора и деканов, потому что они привыкли экзаменовать только тех, кто пожелает и не по предметам, а все экзаменуют данного кандидата зараз. Тем более, что уставы требуют на философии экзамена только по трем предметам по выбору кандидата.

Итак, лаборатории и коллекции стоят на своих местах, и если не пострадают от холода и сырости, то будут безвредны.

Вы спрашиваете, присылать ли мне научные работы. Конечно! Я чрезвычайно Вам за них буду благодарен, и это доставит мне большую радость и утешение. А. Е. Ферсман [12] уже два раза в течение этого времени прислал мне свои статьи. Всякий раз я благодарил его картой. Кстати, получил ли он мои ответы?

Наконец, Вы спрашиваете, могу ли я работать в лаборатории и каково материальное положение профессоров. Это самое сложное!

Как работать, когда я углом сижу в чужой лаборатории, коей хозяина нет, я остался даже без ключей от многого; реактивы до каникул вышли, а в конце каникул война – и не за что и неоткуда их купить. Теперь во Львове H_2SO_4 , HNO_3 , HCl [13] и многое другое на

вес золота! Воды не на чем дистиллировать! Газ еле горит и то ректор чуть ли не каждую неделю присылает напоминания об экономии дров, газа и тока.

А самое главное, какая тут работа, когда вдруг рушилось все! Какая тут работа, когда опять я стал иностранцем в собственном отечестве и опять остался без гроша и без всякого понятия, что будет завтра: буду ли загнанным учителем частной школы или, может быть, конторщиком в частном предприятии?

А что касается материального положения моих коллег, то оно, конечно, разнообразное. Одни люди зажиточные, имеющие свои дома, у других сбережения или запасы, а есть и бедняки, коих семейства так и чахнут на глазах от плохого питания. Притом многие болеют. В городе много теперь инфекции.

Я на первых порах был в очень стесненном положении, но мой хозяин оказался человеком добросердечным, так что с квартирой не было хлопот. А потом я кое-что заработал, готовя фармацевтические препараты, и теперь обучаю химии сына одного высокопоставленного лица; только и у него теперь дела плохи. Жена моя где-то затерялась в средней Европе. Пять месяцев уже ничего про нее не знаю.

Но что касается материальных условий моих коллег, то самое важное и самое тяжелое, это их моральное состояние. Я далеко не сентименталист, однако, даю Вам честное слово, сердце у меня сжимается при их виде. Они судьбу свою переносят с твердостью и достоинством, один только бедный Карл Гадачек [14] – археолог – не вынес всего этого и руки на себя наложил: отравился цианистыми остатками от цинкофотографического процесса. Подумайте, Владимир Иванович! Люди почтенные, пожилые, светила науки одни, другие заслуженные деятели, все окружены почетом, все у себя дома, к ним люди шли с просьбой помочь или оказать протекцию, а теперь им машут под носом нагайкой, третируют как собак и считают чуть ли не государственными преступниками, их – самый государственный элемент. Ведь каждый из них наизусть знает выдержку из Несторовой летописи: «в лето 6489 иде Володимер к ляхом и зая грады их: Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дня под Русью» [(стр. 80, строка 981 (т. Е. 981 год) – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание императорской Археографической комиссии. СПб., 1910)]. И вот его родину, в которой его предки больше 600 лет работали, несли романскую культуру, вдруг, ни с того ни с сего, только потому что по стратегическим расчетам одним пришлось уйти, другие вдруг вышли, и вот назвали родину чем-то совсем другим, и долбят как сорока о каком-то «искони русском крае». Подумайте, как они могут жить и работать, когда на старости лет, в то время, когда готовы были пожать плоды трудов всей жизни, вдруг выкинуты за борт. Что им: уходить на пенсию в Линц или в Инсбрук, когда родина их здесь? Подумайте, как они могут чувствовать себя, когда мерзавца Дудыковича [15], провинциального адвокатишку, весь век мыкающегося какими-то темными делами, который после оккупации первым делом посадил в тюрьму честного человека Лисковецкого за то, что он нанес ему пощечину, так как Дудыкович сманил у него жену, видеть его обласканного государством, публично облобызанного Бобринским. А ведь Лисковецкий был его же политическим другом и моим коллегам пришлось его из тюрьмы освобождать. Благо, что нашлись, которые посоветовали властям их о нем спросить тоже. Край объявлен искони русским, а кроме нас из Царства Польского поляков кто здесь умеет с грехом пополам по-русски? Дудыкович, Черлюнчакевич [16], Алексиевич, Павэнцкий [17], Глушкевич [18],

Бэндасюк [19], Колдра [20]! Вот и все! А остальные «русские» говорят по-польски и были выдвинуты по политическим соображениям только чтобы сдерживать мазепинцев. Но это маленькая горсточка. Мазепинцы же тоже по-русски ни слова не понимают. Сам я слышал, как у генерал-губернатора крупный чиновник к священнику, говорящему по-русски, обратился с просьбой: «Говорите, батюшка, по-польски, тогда я Вас по крайней мере хоть немного пойму». Хорош «русский» край, где русские с рускими должны объясняться на возненавиденном польском языке!

Я, конечно, пробую утешить моих коллег как раз теми же словами, какие Вы пишете мне. Я им рисую благие надежды, светлое будущее, доказываю, что все это проходящие явления, не отвечающие действительному настроению России, что я Россию знаю, что все это устроится. Но они на это обращают мое внимание на систематическую борьбу с Польшей и польской романской культурой. Указывают на планомерное разорение помещиков, на вывоз и истребление всех провинциальных дворцов и находящихся в них картин, ваяний, книг и т. п. А ведь их уже обратно не напишешь и не напечатаешь! И то, что было наслоением культуры многих веков, все это теперь куда-то увозится. В Львове совестятся. Но в барских усадьбах не церемонятся. И это всеобщий голос: «планомерно». Дальше мои коллеги говорят мне: «Хорошо, будь по-Вашему, но где факты? Если можно здесь в чужой стране (ведь мир еще не заключен и договор не подписан) выгнать 17 тысяч учителей, столько же чиновников, закрыть все общества и школы, то можно было выгнать у себя в Ц[арстве] Польском, где это легче и проще, хоть самых несносных, можно было хоть частным училищам немножко дать облегчения, хоть на волос снять гнет с общественной жизни, а прежде всего отменить самое крупное несчастье Польши – отменить *черту оседлости*! Между тем объявления на Варш[авско]-Венск[ой] жел[езной] дор[оге] даются исключительно по-русски, абитуриенты частных училищ подвергаются гонениям, одним словом все по-старому. «Соловья баснями не кормят» – говорят мне». Дайте хоть один факт». И результат таков, что я никому утешения не даю, а только приобрел себе титул русофил, и страшат меня, что австрийцы лишат меня того жалованья, которое они мне должны, а если вернуться, то даже повесят. Положим, мне наплевать на них, не уезжать же мне из отечества. Но это характеризует настроение.

Ах! Если бы вы знали, Владимир Иванович! Сколько здесь накопилось гнева, негодования, злости и злобы. Право, не понимаю, как могли власти прислать сюда таких глупых людей, которые то и дело только раздражали. Хоть бы капля государственной мудрости! Хоть бы осведомлены были! Вы знаете, генерал-губернатор не хотел верить, что судопроизводство производилось на польском или русинском языке. Он думал, что по-немецки! Он не знал, что немецкий язык имелся только для сношений с министерствами. Вы знаете, что Г[оспода] администраторы только от нас – профессоров – узнали, что Львовский унив[ерситет] уже больше чем 40 лет тому назад отвоеван нами у немцев и что официальный его язык польский с допущением русинского в делопроизводстве и на соответственных кафедрах. Г[оспода] администраторы на каждом шагу обнаруживают полнейшее невежество в самых элементарных западно-европейских учреждениях. А при том публика теперь запугана до крайности! Ни один офицер не является на улице без нагайки и машет ей под носом дамам и почтенным пожилым господам. Здесь уже интеллигенция, не называет нагайки иначе как «освободительница». (Война названа, как Вам известно, «освободительной»).

И когда мои коллеги от ужаса бледнеют и шепотом рассказывают, что у того-то был обыск, того-то арестовали, того-то сослали, я пробую объяснить им, что это явление чисто военное, мимолетное. Но они мне говорят, что ведь то же делается в России и в мирное время. А я в глубине души создаю, что это не делает на меня впечатление потому, что я привык к этому с детства. Но я могу вообразить себе, что чувствует тогда человек, выросший в конституции, которого никто не смел тронуть, если он не сделал ничего запрещенного законом. И даю Вам честное слово, я не могу сообразить, за что этих никому не повинных буржуа в кутузку сажают. Так по всей вероятности выгнанный дворник или проворовавшаяся кухарка донесет вздор, а они «на всякий случай» и наградных ради сажают людей. И то, нашего брата посади, он и в ус не дует. А они здесь ведь избалованные!

И вот мои почтенные старички, когда я усиленно все-таки толкую им, что помимо всего мы в Варшаве жили и дело делали, и что по всей вероятности будем делать в будущем успешнее и лучше, и что самые милые воспоминания я вынес от моих русских друзей и товарищей (конечно, исключая Зайцева и Митрофанова), то они говорят: «Ладно! Допустим даже самую лучшую волю, но может ли Россия дать то, чего у нее самой нет? Может ли она дать автономию в конституционном строе с полными гарантиями гражданской свободы, с местными чиновниками, начиная от самых высших, с чиновниками, ответственными перед законом, властями и обществом, с массой школ и путей сообщения, с открытой общественной инициативой и т. п.?» Что мне на это отвечать? Разве только опять надежды. Я однажды попробовал сослаться на юную Россию. Они мне в лицо расхохотались и ткнули в глаза горсть статей из прогрессивных русских газет, в которых антипольская пошла теперь ругань хуже черносотенной. Что мне на это сказать? Я сказал: «Перемелется – мука будет». А они мне в ответ: «Через тысячу лет. Покорно благодарим. Вилами по воде писано». Хоть бы намордники наложили местным официозам «Прикарпатской Руси» и «Львовскому военному слову», которые лаются, а цензура ни ответить, ни защищаться не позволяет».

Знаете, уж эти русинские мужики тревожно начинают спрашивать городскую публику, привозя в город молоко, дрова и т. п.: «Как же это, и так останемся без школ, как дикари? Ведь говорят, что во всей Галиции будет только четыре гимназии? А в самом Львове их было двенадцать. И судить будут по-своему? Ведь же ни они никого не поймут, ни их не поймешь? Говорили, что придут наши – русские, а меж тем пришли какие-то чужие люди, которые ничего не понимают и говорят на каком-то непонятном языке. Обещали освободить, а между тем только от них узнали, что такое неволя». Одним словом, «bluff» [21], многоуважаемый Владимир Иванович!

«Za rubelka, za kopijkę

Kupil moskal galicyjka»

Кричат уличные мальчуганы: «За рублик, за копеечку купил русский Галичину!» Простонародье имеет здравый рассудок, оно великолепно отдает себе отчет, что купленные мерзавцы – Дудыковичи – лгунишки – теперь всю Россию хотят окунуть в это море лжи, которое с Бобринским-старшим [22], Евлогием [23] и Марковым [24] соборно соорудили.

Страшно мне хотелось бы написать Вам ряд основательных, по источникам, кратеньких статей о Галичине. Но как Вам их послать? Эрна Феодоровна раз только случилась! А ведь правда это самое крупное государственное преступление. Не пропустят. Да и где время у несчастного военного цензора читать длинные статьи. Почтовые карточки и то месяцами залеживаются в Киеве, в главной полевой почте. Может быть, Вы найдете какую-либо систематическую оказию вроде какой-либо дамы или депутата красного креста? А, ведь, право нехорошо позволить так распространяться лжи. Ведь о Ц[арстве] Польском в России самые превратные мнения, что же говорить о Галиции. Все, по всей вероятности, воображают себе, что это что-то вроде Черниговской губернии. А это совсем другое!

Знаете, я даже не предполагал, что у русской интеллигенции так мало сведений о соседних государствах. Я познакомился, напр[имер], с одним саперным офицером, фамилии не помню, чрезвычайно интеллигентным человеком, который не хотел верить, что прусские зверства в Познанском княжестве не относятся к Галиции и что Австрия не принадлежит к Reichs-Bund'у [25]. Он был без ума от радости, что принимает участие в освобождении Галиции от пруссаков! А мой околоточный надзиратель (он со мной откровенен, так как я бойко говорю по-русски) удивлялся, «что у австрийцев тоже есть крест». И откуда они таких набрали! Оказалось, что этот бедняжка никогда в жизни не слышал о христианских вероисповеданиях кроме православного. Того что «австрийской народности» нет, что это только государственное, а не этнографическое понятие, он уже понять не мог. И так как он меня считает русским и поэтому думает, что я здесь недавно, то он мне сказал, что, по всей вероятности, я еще не успел здесь ориентироваться.

Вот горсточка «настроений». Конечно, это картина далеко не полная, но правдивая и, по всей вероятности, далеко не такая, какую можно создать по газетам. А вообще жизнь здесь собачья.

Что касается меня, то, право, не знаю, что было бы лучше: терпеть до сих пор все причуды Зайцева и удручаться со дня на день прусской инквизицией, висящей над головой, или быть в таком глупом положении как здесь и сознавать, что вот время все идет, я старею, а добраться до возможности спокойно и посильно, полезно работать не могу. Только страшная тоска без друзей, знакомых, общества; здесь я и прежде тосковал в этом губернском городишке и при всяком случае убегал в Варшаву, а уж теперь здесь такой Царевококшайск [26] стал, такая глухая заскорузлая провинция, что Боже упаси.

Наконец, Владимир Иванович, я думаю, что могу быть с Вами вполне откровенен. Как Вы думаете? Нельзя ли Академии принести хоть какую-либо помощь моим бедным коллегам? Мне ничего не нужно, я думаю, что кое-как добьюсь до конца войны. Но здесь есть люди деликатные, не приспособленные к борьбе за существование и мне очень хотелось бы им помочь. Единственное влиятельное лицо, к которому я могу обратиться – это Вы. И поэтому я предлагаю это дело на рассмотрение Вашему благородному уму и сердцу. Мне кажется, мое предложение никто не сочтет неуместным. Я никому не говорил. Так что дело останется в случае чего-либо между нами. Но ведь на кого же нам рассчитывать, как не на членов этой тихой и дружной международной, общечеловеческой семьи – людей науки. Ведь в эти тяжелые времена, когда все между собою передралось, только мы одни – ученые – остались верны общечеловеческим идеалам.

Сердечно пожимаю Вашу дружескую руку, желаю Вам всего хорошего и прошу передать мой привет и поклон Наталии Егоровне.

Всего хорошего!

Ваш С. Вейберг [27]

Львов. 16 января 1915.

Примітки:

[1] **Марцін Ернст** (1869–1930), тоді – ординарний професор астрономії Львівського університету. У 1914 р. до початку війни виїхав до Криму для спостереження повного сонячного затемнення і там був затриманий.

[2] **Вацлав Франциск Серпінський** (1882–1969), тоді – професор математики Львівського університету. Влітку 1914 р. він разом із родиною був у Біларусі. Оскільки мав німецьке підданство, був затриманий російською владою та висланий до Вятки. Лише завдяки зусиллям російських математиків Д. Єгорова та М. Лузина йому дозволити переїхати працювати до Москви. Відновив виклади у Львівському університеті у 1918 р.

[3] **Зигмунт Теобальд Вуйціцький** (1871–1941), до літа 1914 р. – професор ботаніки Львівського університету. Перед входом російських військ до Львова встиг виїхати до Варшави.

[4] **Здзіслав Амброзій Дмоховський** (1864–1924), у 1912–1918 рр. професорував у Віденському університеті, одночасно до літа 1914 р. викладав анатомію у Львівському університеті.

[5] **Казімерж Єжі Твардовський** (1866–1938), професор філософії Львівського університету.

[6] **Станіслав Стажинський** (1853–1935), професор права Львівського університету.

[7] **Адольф Бек** (1863–1942), професор фізіології Львівського університету. Ректор Львівського університету у 1912–1913 рр.

[8] Хто саме був ректором Львівської політехнічної школи у 1914/1915 р., не зовсім зрозуміло. Ректором у 1913/1914 р. офіційно значився поляк за походженням фізик **Казимир Олеарський** (1855–1936), а ректором 1915/1916 р. – також поляк інженер **Станіслав Анчиц** (1868–1927).

[9] Член Державної думи Росії від Подільської губернії Дмитро Чихачев (1876–1918) відповідно до наказу генерал-губернатора Галичини Г. О. Бобринського від 11 листопада 1914 р. був призначений відповідальним за охорону пам'яток старовини, бібліотек, наукових і художніх колекцій.

[10] **Станіслав Кароль Толлочко** (1868–1935), професор, засновник і керівник кафедри неорганічної хімії Львівського університету.

[11] **Станіслав Опольський** (1886–1918), професор хімії Львівського університету.

[12] **Олександр Євгенович Ферсман** (1883–1945), російський геохімік та мінералог, тоді – професор Московського університету.

[13] H_2SO_4 – сірчана кислота, HNO_3 – азотна кислота, HCl – хлороводень.

[14] **Карл Гадачек** (1873–1914), професор класичної археології та праісторії Львівського університету.

[15] **Володимир Дудикевич** (1861–1922), правник, адвокат, лідер галицьких москвофілів.

[16] **Кирило Черлюнчакевич** (1860-1950), юрист, громадський діяч москвофільського напрямку.

[17] **Лев Павенцький**, діяч москвофільського напрямку.

[18] **Маріян Глушкевич (1877–1935)**, поет, діяч москвофільського напрямку, урядовець з особливих доручень при генерал-губернаторі Галичини Г. Бобринському. У 1915 р. виїхав зі Львова разом із відступаючими російськими військами.

[19] **Семен Бендасюк** (1877–1965), громадський та релігійний діяч москвофільського напрямку.

[20] **Василь Колдра**, студент Львівського університету, громадський діяч москвофільського напрямку. С. Бендасюк та В. Колдра були відомі у Львові через політичний процес проти них як галицьких русофілів (так званий "Львівський процес", або "процес Бендасюка і товаришів" 1912–1914 рр.).

[21] З німецької: обман, блеф.

[22] **Володимир Олексійович Бобринський** (1867–1927), російський політичний діяч, монархіст.

[23] **Архієпископ Волинський та Житомирський Євлогій** (Васілій Георгієвський) (1868–1946). З осені 1914 р. керував церковними справами на окупованих землях Галичини.

[24] **Дмитро Андрійович Марков** (1864–1938), публіцист, галицький громадський діяч москвофільського напрямку.

[25] Дослівно з німецької: Імперський союз. Йдеться про Німецьку імперію.

[26] Царевококшайськ – тогочасна назва м. Йошкар-Ола, що нині є столицею Республіки Марій Ел у Російській Федерації. На початку ХХ ст. це містечко було маленьким та загумінковим. З. Вейберг використовує цю немилозвучну назву як метафору до означення глухого провінційного селища.

[27] У російській традиції ім'я вченого писалось як *Сигизмунд Александрович Вейберг*. Польською мовою: *Zygmunt Szczepan Weyberg*.

Публікацію підготовлено Костянтином Новохатським та Оксаною Юрковою